

А. Л. Скучина

ОБРАЗ ДУШИ В СТИХОТВОРЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА «О ВЕЩАЯ ДУША МОЯ!..»

Образ души в лирике Ф. И. Тютчева соотносим с мифологическими и религиозными представлениями, в результате переосмысления которых рождается уникальная авторская интерпретация природы и устремлений внутренней сущности лирического я.

В художественном мире поэта душа предстает в многообразных воплощениях (звезда, тень, ангел и т.д.), пребывает в различных сферах мироздания (возносится в небесную сферу, опускается на дно морское), воспринимается как особый микрокосм («Silentium!»), сопоставляется с мифологическим пространством – Элизиумом («Душа моя, Элизиум теней...»). Она наделяется пространственными характеристиками: появляется мотив «душевной глубины» («Лейся в глубь моей души», «Пусть в душевной глубине...»), душа способна вместить в себя весь мир или, напротив, – сам человек погружается в душевную бездну («В своей душе, как в бездне погружен...»). Такое многообразие воплощений внутренней сущности связано с ее динамичной, непостоянной природой, которая наиболее отчетливо проявлена в мотиве «желания» души. Мотив «желания души» намечает сферу душевных устремлений («Душа хотела б быть звездой...», «Душа хотела б ей молиться...»), связанных с попытками обретения гармонии, которые оборачиваются невозможностью достижения идеала.

На раннем этапе творчества достижение гармонии мыслится как результат слияния с природной сферой, чему способствует увлечение натурфилософскими идеями. В дальнейшем гармония может достигаться через любовь – чувство, которое, для романтической эстетики обретает особый ценностный смысл и, по выражению Ю. В. Манна, определяется как «...вхождение в область высших идеальных ценностей» [1, с. 127]. Еще один вариант достижения идеала воплощается в стремлении приобщиться к сакральному божественному миру.

1850-й год многими исследователями отмечается как переломный и в жизни, и в творчестве Тютчева. Так, Б. М. Козырев отмечает, что после 1850 г. в лирике поэта «мистика языческого пантеизма» сменяется обращением к христианской традиции [2, с. 93]. В авторском определении природы души также наблюдается утверждение христианских основ. Одним из примеров тому является стихотворение «О вещая душа моя!..» (1855 г.):

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты – жилица двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

На сегодняшний день в исследовательской традиции нет однозначного толкования поэтики этого произведения. Стихотворение привлекало внимание как философов, так и литературоведов. Все исследователи обращают внимание на состояние раздвоенности, доминирующей во внутреннем мире лирического героя, которая выражена в модели «двойного бытия».

Д. И. Чижевский указывает, что «...жизнь души связана с двумя разными сферами бытия <...>. Мир разума, мысли, дневного света ведет борьбу за душу с миром тьмы, ночи, душевного хаоса» и отмечает, что подобная ситуация была присуща творчеству немецких романтиков, которое оказало значительное влияние на мировоззрение Тютчева [3, с. 627].

Неоднозначно трактуется финал стихотворения. В частности, А. Г. Горенфельд говорит о том, что «страсти роковые» – это те чары жизни, которые влекли к себе поэта <...>, могущество их было непоборимо и душа поэта оставалась на пороге «двойного бытия» [4, с. 233–234]. То есть, по мнению исследователя, изначально заявленное противоречие так и остается неразрешенным в финале. Противоположной точки зрения придерживается М. М. Дунаев, который отмечает, что в стихотворении «О вещая душа моя!..» «...основной вектор стремления души обозначен был вполне ясно» [5, с. 80]. Исследователь видит в финале стихотворения преодоление противоречий и обретение гармонии во внутреннем мире лирического «Я».

Мотив «расколотости», кризисного состояния души встречается в лирике Тютчева неоднократно. «Раздвоенность» души и ее причины находят разные объяснения в тютчевоведении: для исследовательской традиции характерен поиск некой общей основы реализации основного «конфликта» в лирике поэта. Б. Я. Бухштаб отмечает сложное противоречие между «хаосом» и «космосом» в художественном мире Тютчева [6, с. 19], Ю. М. Лотман обозначает в качестве ведущей антиномии «бытие» и «небытие» [7, с. 568], К. В. Пигарев говорит о жизни на грани «веры» и «безверия» [8, с. 19].

В стихотворении «О вещая душа моя!» внутренняя сущность обретает двойное воплощение в образах души и сердца, появляется мотив «двойного бытия», а душа воспринимается как «жилица двух миров». Для многих мифологических и религиозных традиций характерно представление о том,

что сердце (грудь) являетсяместилищем души. В стихотворении «О вещая душа моя!..» душа и сердце предстают обособленными друг от друга и наделяются разными характеристиками: душа – «вещая», сердце – «полное тревоги». Таким образом, задается мотив противопоставления душевного и телесного (сердце) начал.

В лирике Тютчева нередко возникает мотив со- и противопоставления души и сердца. Сложно выделить общую инвариантную основу и закономерность появления этих образов. Часто они реализуются в одном контексте и наделяются сходными характеристиками. Наиболее очевидно обозначена разница в образах души и сердца в финальном четверостишии стихотворения «Как неразгаданная тайна...» (1864 г.):

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

Сердце в большей степени связано с мотивом страстей, оно являетсяместилищем чувств («рвется обожать»), в то время как душа связана с трансцендентным стремлением ввысь, к идеалу («хотела б молиться»). Сердце становится воплощением земного начала, в то время как душа связана со стремлением в небесную сферу.

В святоотеческой традиции также наблюдается тенденция, с одной стороны, соединения, с другой – противопоставления души и сердца. Антоний Великий отмечает связь сердца с плотью: «Иные же, презрев силу обета своего, действуют по воле плоти и склонностям сердца, – чрез что пришествие Господа стало им в обличение» [9, с. 48]. Также сердце связано с мотивом страстей. Например, в поучении преподобного Аввы Дорофея говорится следующее: «...будучи страстными, мы отнюдь не должны веровать своему сердцу» [9, с. 96].

В стихотворении «О вещая душа моя!..» противопоставление души и сердца осуществляется на основании принадлежности разным сферам бытия, которые обозначены как «день» и «сон». В. Н. Касаткина отмечает, что для художественного мира Ф. И. Тютчева характерно разделение на дневную и ночную сферу («поэзия дня» и «поэзия ночи») [10, с. 54]. Эти два мира соотносятся с образами души и сердца: «сон – пророчески-неясный» сопоставлен с образом «вещей» души, а «день – болезненный и страстный» – в большей степени перекликается с характеристиками сердца, усиливающего в третьей строфе анализируемого стихотворения телесные мотивы через образ «страдальческой груди»: «Пускай страдальческую грудь / Волнуют страсти роковые...».

Мотив раздвоенности проявляется также в ощущении пограничности существования – «на пороге». Символика порога связана с мотивом границы, «переходности» (например, порог дома обозначал границу между «своим» и «чужим» пространством). Характеристика бытия на пороге свидетельствует

об отсутствии целостности во внутренней сущности лирического героя. Динамика действия души: «О, как ты *бьешься* на пороге / Как бы двойного бытия...» актуализирует мотив разрушения. Это «биение», с одной стороны, символизирует жизнь (соотносится с биением сердца), с другой – приводит к еще большему разрушению внутреннего мира лирического «Я». Этот эффект усиливается синтаксисом: большое количество тире и многоточий создают ощущение раздробленности внутри строф, а отсутствие логической последовательности в воплощении образов души и сердца усиливают общее впечатление разобщенности.

Ситуация внутренней раздвоенности связана также с мотивом призрачности существования, который реализуется с помощью союза «как бы» по отношению к самому бытию. Состояние призрачности бытия соотносится с мотивом сна. В романтической эстетике сон имел особое значение. Л. А. Ходанен в монографии «Миф в творчестве русских романтиков» отмечает, что сны, фантазии, «безумные видения» гениев, творцов становились способами постижения тайны бытия [11, с. 231]. В стихотворении «О вещая душа моя!..» сон также связан с попытками постижения тайн мира: появляется мотив откровения, т.е. приобщения к загадкам мироздания. Однако сон характеризуется как пророчески-неясный, он не дает просветления, а напротив, носит сумрачный характер.

Дисгармоничное состояние лирического «Я» в стихотворении соотносится с мотивом болезни, порожденной расколотостью внутреннего мира. Двойственность и мотив болезни души реализуется в сравнении ее с покаянным образом Марии. Этот образ восходит к новозаветному сюжету о Марии Магдалины, которая была одержима бесами и исцелена Христом: «И некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов» (Лук. VIII, 2). При включении в художественный мир стихотворения образ Марии Магдалины оказывается соотнесенным как с «духовным», так и с «телесным» началом, которые противоборствуют во внутреннем мире лирического героя. Первоначальное ее одержимое состояние соотносится с образом сердца, которое «терзают страсти роковые», а последующее избавление от страстей реализуется в стремлении души «к ногам Христа навек прильнуть».

Однако, несмотря на, казалось бы, абсолютную раздвоенность, расколотость внутреннего мира, в финале стихотворения происходит восстановление внутренней целостности, что осуществляется в результате появления образа Христа. Эта тенденция реализуется в том числе и на композиционном уровне: последняя строфа предстает наиболее синтаксически связной и завершается точкой, а не многоточием, в отличие от двух предыдущих.

В. С. Соловьев интерпретирует финальную строку и конфликт стихотворения следующим образом: исход из «злой жизни» с ее коренным раздвоением видится в том, чтобы «примкнуть к «Вождю на пути совершенства», заменить роковое и убийственное наследие древнего хаоса духовным и животворным наследием нового человека, или Сына

человеческого, – первенца из мертвых...» [12, с. 256]. В. Н. Сузи, анализируя пейзажную лирику Тютчева, говорит о присущем ей мотиве «противостояния духа и плоти», которое, по мнению исследователя, преодолевается только в образе Христа: «В Спасителе восстанавливается расторгнутое религиями плоти единство, разрушенная внешняя и внутренняя целостность человека и мира» [13, с. 171].

Образ Христа – единственное, что не двоится в стихотворении «О вещая душа моя!...», он остается целостным в этом расколоте мире и сам привносит в него целостность. Припадение к Его ногам знаменует устранение противоречий и связано с мотивом исцеления (в противоположность болезни раздвоенности). Возможность исцеления в результате прикосновения к Божественной истине, явленной во Христе и через Христа, находит отражение во многих ситуациях, упоминаемых в Новом Завете. Например, в евангелии от Марка: «И куда ни приходил Он, в селения ли, в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к нему, исцелялись» (Марк. VI, 56).

Подобная ситуация возникает в стихотворении «Над этой темною толпой...» (1857 г.), где мотив исцеления с помощью обращения к образу Христа мыслится уже не как возможность индивидуального спасения, а как судьбоносный выход для целого народа:

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, -
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

Слияния с божественным началом знаменуется прекращением внутреннего смятения лирического героя стихотворения «О вещая душа моя!...», которое сменяется смиренной неподвижностью, останавливается также движение времени (день, сон), что связано с мотивом вечного пребывания у ног Христа («К ногам Христа навек прильнуть...»). Однако конечного слияния с божественным началом в стихотворении не происходит – выражается только готовность к нему, стремление к приобщению, которое возможно только в результате преодоления телесного начала, связанного с мотивом «роковых страстей». Возможность преодоления внутренней двойственности связывается у Тютчева с образом Христа, через приобщение к нему душа лирического героя обрести гармоничное, целостное, благодатное состояние.

Литература

1. Манн Ю. В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма / Ю. В. Манн. – М.: Наука, 2001.
2. Козырев Б. М. Письма о Тютчеве / Б. М. Козырев // Ф. И. Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: в 2 кн. Кн. 1. – М.: Наука, 1988.

3. Чижевский Д. И. Тютчев и немецкий романтизм / Д. И. Чижевский // Ф. И. Тютчев: pro et contra: личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2005.
4. Горенфельд А. Г. На пороге двойного бытия / А. Г. Горенфельд // Ф. И. Тютчев: pro et contra: личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2005.
5. Дунаев М. М. На пороге двойного бытия. Лирика Ф. И. Тютчева 1850-х – начала 1870-х годов / М. М. Дунаев // Федор Иванович Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. – М.: Пашков дом, 2006.
6. Бухштаб Б. Я. Ф. И. Тютчев / Б. Я. Бухштаб // Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. – М.: Худож. лит., 1957.
7. Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996.
8. Пигарев К. В. Тютчев Ф. И. и его поэтическое наследие / К. В. Пигарев // Ф. И. Тютчев. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1980.
9. Добротолюбие / сост. и предисл. Л. С. Кукушкина. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2001.
10. Аношкина В. Н. Красота природы и человеческой души. Лирика Тютчева 1810–1840-х гг. [Текст] / В. Н. Аношкина // Федор Иванович Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: сб. науч. тр. – М.: Пашков дом, 2006.
11. Ходанен Л. А. Миф в творчестве русских романтиков / Л. А. Ходанен. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
12. Соловьев В. С. Ф. И. Тютчев / В. С. Соловьев // Тютчев Ф. И. и православие: сб. статей о творчестве Ф. И. Тютчева / сост., предисл. В. А. Алексеев, ред. Б. Н. Тарасов. – М.: ЗАО «Издательский дом “К единству!”», 2005.
13. Сузи Н. В. Богородичные мотивы в пейзажной лирике Тютчева / Н. В. Сузи // Евангельский текст в русской литературе XVII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1994.